

Сяо Жун сначала взглянула на Цзин Тяньюэ, через две секунды посмотрела ещё раз, словно не веря глазам. Она протянула руку и оттолкнула её.

— Кто ты такая?

Цзин Тяньюэ...

Пэй Янь, опустив голову, поправляла свою одежду. Ей было неловко, она чувствовала, что не справится с этой ситуацией. В конце концов, она пришла сюда, чтобы «погреться» в лучах славы Сяо Жун, а ссориться с Цзин Тяньюэ не хотела.

Эти лёгкие романтические намёки не предполагали серьёзного развития.

Красивые девушки неизбежно вызывают желание сблизиться, но Цзин Тяньюэ, способную избить папарацци до тяжёлых травм, она не могла позволить себе разозлить ни физически, ни с точки зрения карьеры.

— Кто?

Цзин Тяньюэ едва не рассмеялась от злости. Не обращая внимания на окружение, она взяла лицо Сяо Жун в ладони и прямо прикусила ей губу.

— Загрызу тебя и всё.

Укус немного протрезвил Сяо Жун. Придя в себя, она обнаружила, что её уже тащит за собой Цзин Тяньюэ.

— Ты... как...

В свете этого заведения её выражение лица было трудноразличимым, но Цзин Тяньюэ ощутила, как от неё исходит глубокая печаль.

— Пошли домой.

Цзин Тяньюэ сказала это, и Сяо Жун пристально посмотрела на неё, а затем внезапно бросилась в её объятия.

Пэй Янь, сидевшая рядом, смотрела на это во все глаза — впервые она видела Сяо Жун такой. Эта девушка обычно держалась на расстоянии, соблюдая дистанцию, и даже малейшее сближение было редкостью. Сегодня же приблизиться удалось только благодаря алкоголю.

Такая инициатива была на неё непохожа.

Близость или её отсутствие видно сразу.

Цзин Тяньюэ, не ожидавшая такого напора, чуть не упала, но её поддержала Гао Цзин.

Гао Цзин:

— Что вы тут устроили, на виду у всех?

Цзин Тяньюэ наклонилась, подбородком коснувшись головы Сяо Жун.

— Пойдём домой, хорошо?

Сяо Жун промолчала, уткнувшись в неё.

Она и правда была изрядно пьяна. Даже люди с хорошей выносливостью к алкоголю могут напиться, если захотят.

Многого она не хотела обдумывать, просто желала отключиться.

Цзин Тяньюэ посмотрела на Пэй Янь. В тусклом, неясном свете всё ещё можно было разглядеть её очертания. Для Пэй Янь это была первая встреча с Цзин Тяньюэ.

Настоящая легенда. Она видела её в кадрах из фильмов, на глянцевых фото и в сплетнях, но всё это не шло ни в какое сравнение с личной встречей.

Не знала, что сказать.

Просто в реальности она была ещё более ослепительной, чем в своих работах.

Но это всё же были работы. Происхождение Цзин Тяньюэ давало ей ту харизму, которую мало кто мог себе позволить, — высокомерную, но не вызывающую раздражения.

Когда у человека слишком много ореола славы, это может ослеплять. Пэй Янь осознавала, что её симпатия к Сяо Жун вышла за рамки простых коллег или друзей.

Но она никогда не помышляла о том, чтобы бороться за неё.

Бороться было бесполезно, да и незачем.

Сяо Жун, судя по всему, была предана ей всей душой.

— Ты пришла с ней?

Пэй Янь кивнула.

— Тогда я забираю её домой.

Сказав это, Цзин Тяньюэ наклонилась к Сяо Жун.

— Пойдёшь ко мне?

Сяо Жун:

— Не хочу.

Цзин Тяньюэ тихо рассмеялась.

— Возражения отклоняются.

Гао Цзин, стоявшая рядом, едва не скривилась от умиления. Она знала, что Цзин Тяньюэ встречается с Сяо Жун, но не лезла с расспросами и не сталкивалась с ними лицом к лицу.

По пути сюда Цзин Тяньюэ скрежетала зубами от злости, а войдя, была готова кого-нибудь разорвать. Но стоило Сяо Жун броситься в её объятия, как гнев утих.

Настоящее ослепление красотой, но что поделать — такова жизнь.

Цзин Тяньюэ всегда ценила внешность.

Она сказала:

— Пойдёмте, я вас провожу.

Цзин Тяньюэ приподняла Сяо Жун, та обхватила её руку, бормоча «не хочу», но при этом держалась мёртвой хваткой.

— Нужно предупредить Яньян.

Цзин Тяньюэ кивнула, а Пэй Янь сказала:

— Я передам Чжао Минъянь.

Цзин Тяньюэ обернулась, взглянула на неё и поблагодарила.

На ней была простая одежда, далёкая от блеска красных дорожек, но игнорировать её было по-прежнему невозможно.

Пэй Янь смотрела на их удаляющиеся спины, беззвучно вздохнула и отпила ещё немного.

...

Сяо Жун на заднем сиденье машины раскачивалась из стороны в сторону, от неё сильно пахло перегаром. Цзин Тяньюэ смотрела на её лицо и спросила:

— Сколько ты выпила?

Сяо Жун отстранила её руку, которая ласкала щёку.

— Не знаю.

Гао Цзин, наблюдая за ними через зеркало заднего вида, подумала, что это выглядит по-детски.

— В какой дом едем? К родителям?

Сяо Жун:

— Не хочу!

Цзин Тяньюэ рассмеялась.

— Разве ты не пьяна?

Сяо Жун:

— Нет.

Её кожа была горячей. Цзин Тяньюэ ущипнула её за ухо, Сяо Жун прищурилась и больше не произнесла ни слова.

По дороге Гао Цзин ещё и поговорила с мужем по телефону — тараторила о проблемах с детьми, и по разговору было слышно, что на том конце царит полная неразбериха.

Цзин Тяньюэ, слушая, как Гао Цзин бурчит, спросила:

— Твой муж нашёл время посидеть с детьми?

Гао Цзин:

— Откуда мне знать, может, таблетки не те выпил.

Сяо Жун, прислонившись к плечу Цзин Тяньюэ, слушала их бессвязную болтовню. Её мысли были в тумане, а в носу стоял знакомый аромат духов Цзин Тяньюэ, который она не могла забыть даже во сне.

Думая об этом, она чувствовала печаль и страх. Цзин Тяньюэ, разговаривая с Гао Цзин, вдруг почувствовала, что её плечо стало мокрым. Стояла зима, но в машине было жарко, она сняла куртку, оставшись в тонкой блузке. Сяо Жун лила слёзы ручьём, и Цзин Тяньюэ не знала, смеяться или плакать.

Она и правда чувствовала себя глубоко обиженной.

Сама Цзин Тяньюэ была яркой личностью с открытыми эмоциями. Если её обижали, всегда находились те, кто заступался за неё. За всю жизнь лишь Цинь Мянью сумел доставить ей неприятности.

Она заплатила высокую цену. А теперь Сяо Жун плакала так горько — её человек страдал из-за неё самой, и это вызывало растерянность.

Выйдя из машины, Сяо Жун по-прежнему цеплялась за её руку. Гао Цзин едва не прыснула со смеху.

— Сяо Жун выше тебя. Если она не на каблуках, а ты в них, вы почти одного роста. Ха-ха, это выглядит забавно.

Прямо как большой ребёнок, невероятно привязчивая.

Гао Цзин видела, что Цзин Тяньюэ, хоть и была слегка раздражена, но в глубине души наслаждалась этим, поэтому ничего не сказала и уехала.

В доме стало гораздо теплее. Сяо Жун проплакала весь макияж. Цзин Тяньюэ несколько раз вздохнула и спросила:

— Сама пойдёшь в душ и снимешь макияж, или я тебе помогу, а потом пойдёшь мыться?

От неё сильно пахло алкоголем, взгляд был затуманенным. Эти глаза были поистине уникальным даром — когда она хотела выглядеть жалко, у неё это получалось.

Сяо Жун:

— Я сама.

Она всё ещё стояла на месте, опустив голову. Волосы, собранные в пучок на затылке, уже наполовину растрепались, создавая неопрятный вид, а тон голоса был нарочито твёрдым.

Цзин Тяньюэ взяла Сяо Жун за руку.

— Я помогу тебе.

Сяо Жун приблизилась. Цзин Тяньюэ села на диван, потянула Сяо Жун вперёд, та наклонилась, а Цзин Тяньюэ откинулась на спину.

Она взяла лицо Сяо Жун в ладони, увидела, что подводка для глаз слегка размазалась от слёз, и в момент, когда их взгляды встретились, поцеловала её.

Сяо Жун попыталась отвернуться, но не успела — поцелуй пришёлся в губы.

— Я всё ещё злюсь.

Сяо Жун сказала это.

Цзин Тяньюэ ответила:

— Я знаю.

Сяо Жун:

— Я действительно всё ещё злюсь.

Цзин Тяньюэ лежала на диване, их тела соприкасались.

— Прости, это моя вина.

Она редко признавала свои ошибки, обычно считая себя правой.

Особенно в отношениях ей было трудно научиться уступать, как это делают другие. Она всегда шла своим путём, проявляя вседозволенность.

Просто отдавала всё, что могла.

Однако чувства не ограничиваются одним способом выражения. Сама Сяо Жун тоже не была идеальной.

Главное, чтобы ей было хорошо — так она думала.

Она также чувствовала, как хорошо к ней относится Цзин Тяньюэ.

Но этого было недостаточно.

Хотелось большего.

— Ты не виновата, это я...

Сяо Жун хоть и злилась, но в этих отношениях понятия «правильно» и «неправильно» не казались ей важными. Более того, разве Цзин Тяньюэ была в чём-то виновата?

Но её перебили. Цзин Тяньюэ снова поцеловала её, коротко и нежно.

— Пойдём снимать макияж и мыться.

Сяо Жун кивнула, слезла с неё, а затем услышала, как Цзин Тяньюэ предложила:

— Вместе.

Она ахнула, а Цзин Тяньюэ приблизилась.

— Нельзя?

Сяо Жун опустила глаза, её мысли путались, но она сказала:

— Нельзя.

В итоге всё же разрешила.

Снятие макияжа переросло в смех с пеной на лицах, а затем в горячий душ, где они стояли спиной к кафельной плитке.

Сяо Жун чувствовала себя обиженной, но она не была человеком, который держится за обиды. Любовь для некоторых можно измерить на весах, но для неё сами весы давно исчезли.

Она изначально была ни с чем, а Цзин Тяньюэ в её чувствах была как падающая с неба звезда, словно вытащившая её тусклую звезду с пути одинокого мужества и приведшая к луне.

И даже заставившая Сяо Жун почувствовать, что она сама может стать солнцем.

Таким же сияющим.

— Что бы делали участницы N-O-I, если бы не были участницами группы?

Лян Ии: Жестокий генеральный директор.

Вэнь Фу: Управляющая.

Чжао Минъянь: Жена мачо.

Сяо Жун: Богачка.

Эх, забыла, что у меня закончились черновики, пришлось дописывать по приезду домой...

<http://bllate.org/book/17670/1646958>